

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-121-130

«ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. В. НАБОКОВА 1920–Х ГОДОВ: ПЕТЕРБУРГ VS БЕРЛИН

Чжу Цзывэй*Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь**518172, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1, Китайская Народная Республика**Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать поэтику «городского текста» в поэтическом и прозаическом творчестве В. В. Набокова 1920-х гг.

Процедура и методы. Основное содержание составляет рассмотрение «метагеографических» аспектов поэзии и малой прозы Набокова, в которых появляются образы Петербурга и / или Берлина. При проведении исследования использованы биографический, сравнительный, культурно-исторический методы анализа.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в первой половине 1920-х гг. Петербург у Набокова не только предстаёт в художественно переосвоенных воспоминаниях в образах, связанных с реальной топонимикой, но и получает метафизическое измерение. В эти же годы и позднее Берлин оказывается у Набокова городом не прошлого, но настоящего счастья, «романтизированным» посредством приёмов оптической иллюзии. Но оппозиция Петербурга и Берлина снимается в набоковском творчестве, с одной стороны, за счёт того, что сквозь немецкий город у него «просвечивает» город русский (в природном и культурном плане), а с другой – посредством универсализации хронотопа: конкретный город исчезает, на смену ему приходит наполненное любовью пространство авторского сознания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют представление о художественном мире Набокова, в частности, о бытовании в его творчестве таких культурно-литературных феноменов, как «петербургский» и «берлинский текст».

Ключевые слова: Берлин, В. В. Набоков, городской текст, литература русского зарубежья, Санкт-Петербург

“URBAN TEXT” IN NABOKOV'S 1920S WORKS: ST. PETERSBURG VS BERLIN

Zhu Ziwei*Shenzhen MSU-BIT University**International University Park Road 1, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province 518172, People's Republic of China**Lomonosov Moscow State University**Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyse the poetics of the “urban text” in V. V. Nabokov's poetic and prose works in the 1920s..

Methodology. The main content is consideration of the “metageographic” aspects of Nabokov's poetry and short prose, in which images of St. Petersburg and / or Berlin appear. The research uses biographical, comparative, cultural-historical methods of analysis.

Results. The analysis showed that in the first half of the 1920s Nabokov's Petersburg not only appears in artistically reinterpreted memories in images associated with real toponymy, but also receives a metaphysical dimension. In the same years and later, Berlin in Nabokov's works is a city not of the past, but of the present happiness, "romanticized" by means of optical illusion. But the opposition between St. Petersburg and Berlin is removed in Nabokov's works, on the one hand, due to the fact that through the German city Nabokov "sees" the Russian city (in natural and cultural aspect), and on the other hand, due to universalization of the chronotope: a particular city vanishes, replaced by the space of the author's consciousness filled with love.

Research implications. The results of this research expand the scope of Nabokov's artistic world, especially about the existence in his works of such cultural and literary phenomena as the "Petersburg" and "Berlin text".

Keywords: Berlin, V. V. Nabokov, urban text, literature of Russia abroad, St. Petersburg

Введение

В. В. Набоков родился в Петербурге и значительную часть времени до своего отъезда из России он провёл в этом городе. Образ Петербурга появляется в набоковском творчестве преимущественно в первой половине 1920-х гг. Как считает С. С. Аванесов, «...писатель занимает активную позицию в самом акте воспоминания, полагаясь на работу памяти, но в то же время направляя её в русло поисков смысла прошлого» [1, с. 358]. Во второй же половине двадцатых, несмотря на то, что память о России по-прежнему занимала важное место в русскоязычной прозе писателя, на первый план у него выходит образ другого города.

В 1984 г. В. Н. Топоров в исследовании, посвящённом «петербургскому тексту» русской литературы, отметил, что «особо должен решаться вопрос о соответствующих текстах Набокова» [8, с. 83]. Топоров считал, что в набоковских произведениях присутствует как бы закрытый «петербургский текст». Через 15 лет финский учёный Тамми Пекка в своей статье "The St. Petersburg Text and Its Nabokovian" проанализировал различные приёмы демонстрации «петербургского текста» у Набокова [11, р. 65–90]. А. С. Долинин в своей монографии «Истинная жизнь писателя Сирина» обосновал наличие «петербургского текста» в некоторых набоковских произведениях с точки зрения интертекстуальных включений [4, с. 346–366]. Все вышеупомянутые учёные счи-

тали, что Набоков, безусловно, внёс свой вклад в «петербургский текст» русской литературы, но при этом, формулируя свои концептуальные выводы, они пропустили те его произведения, что были созданы после 1924 г., когда Петербург оказался на периферии набоковского внимания. Однако нужно отметить, что отсутствие знака не означает отсутствие значения. Дело в том, что во второй половине 1920-х гг. петербургская тема играла важную роль в творчестве русских писателей-эмигрантов, всей литературы русского зарубежья в целом. Набоков, с одной стороны, прокладывая свой путь, а с другой – отвергая ограничивающий писателя культурный национализм, напротив, стремился существовать в пространстве иного, западного урбанизма. Иными словами, образ Петербурга в прозе Набокова второй половины 1920-х гг. тоже существует, но через «минус-приём».

Потенциальное соревнование: два Петербурга

«В январе 1923 г. в Берлине вышел сборник стихов В. Набокова "Горный путь" ... куда вошло 128 стихотворений, написанных в 1918–1921 гг. Постоянной темой сборника являются, как правило, ностальгия и снова тоска по утраченной России» [10, с. 108]. И в начале 1920-ых гг. Набоков писал 5 стихотворений, в которых однозначно присутствует образ Петербурга: «Петербург» («Так вот он, прежний чародей...») (1921), «Петербург» («Он на трясинах»

не был построен...») (1922), «Петербург» («Мне чудится в Рождественское утро...») (1923), «Санкт-Петербург» (1924), «Петербург» («Единый путь – и множество дорог...») (1924). Их объединяет мотив тоски по оставленной Родине: *О, сколько прелести родной / в их смехе, красочности мёртвой, / в округлых знаках, букве ять, / подобной церковке старинной! / Как, на чужбине, в час пустынный / всё это больно вспоминать!*¹

Петербург в изображении Набокова – это мёртвый город. Его смерть вызвана народным бунтом, первооснова которого имеет inferнальную природу. В «Петербурге» 1921 г. *в людей проник болезненных растений / слащавый дух, / подобный тени*². И «слащавый дух», и «тень» вызывают ассоциацию с чем-то дьявольским. В «Петербурге» 1922 г. это будет «болотный бес», вышедший из бездны и влекущий за собой «замороженных мертвецов»³. Смерть города проявляется в его опустении, обездвиженности, однозвучности, монохромности и т. д. Набоков описывает Петербург по принципу контраста: город его воспоминаний, по которому он бродит в мечтах, полностью противоположен Петербургу нынешнему. Набоковский Петербург парадоксальным образом захвачен адскими силами, но в каком-то плане пребывает в благом послесмертии, он «растаял и отлетел»⁴ («Петербург» 1923 г.), его Нева, «как Лета льётся»⁵ («Санкт-Петербург» 1924 г.). Прежний Петербург – это город русской культуры, символом которой является Пушкин, не раз прямо упомянутый в этом цикле, присутствующий мотивами «Медного всадника», угадывающийся в ритме, размере, образах набоковских стихотворений. Петербург Набокова – это Фонтанка, Морской про-

спект, Мойка, река Нева, Исаакиевский собор, Юсуповский дворец и т. д. – топонимы «родного»⁶ города, увиденного сквозь призму счастливого сознания, которое пытается вспомнить Петербург и одновременно запомнить, сохранить в памяти то, что однажды возродится, но будет всё-таки иным. Причём Петербург для него – именно Петербург: никакие переименования города Набоков не принимает. Так, в стихотворении «Ленинград» (1924) новое название он иронически возводит к Елене Троянской, замечая при этом, что этот город совсем не похож на Трою.

Но главное – Набоков тоскует по Петербургу. Эта тоска будет отзываться и в последующих его произведениях. Например, в комментарии к «Евгению Онегину» он пишет: «*Létniy Sad: Le Jardin d'Été, a public park on the Neva embankment, with avenues of crow-haunted shade trees (imported elms and oaks) and noseless statues of Greek deities (made in Italy); there, a hundred years later, I, too, was walked by a tutor*»⁷ («Летний сад – Le Jardin d'Été – общественный парк, выходящий на Неву, с аллеями облюбованных воронами тенистых деревьев (завезённых дубов и вязов) и с безносыми статуями греческих божеств (сделанными в Италии); туда, сто лет спустя, меня тоже водил гулять гувернёр».)

После 1924 г. Петербург уходит в творчестве Набокова на второй план. Во второй половине 1920-х гг. и в 1930-е гг. в его русскоязычной прозе Петербург уже не является основным пространством, где происходят события. Так, например, в романах «Машенька» (1926) и «Дар» (1938) Петербург лишь возникает в памяти героев, а в романах «Защита Лужина» (1930) и «Подвиг» (1932), равно как и в рассказах «Письмо в Россию» (1924) и «Адмиралтейская игла» (1933), Петербург появляется всего лишь во второстепенных

¹ Набоков В. В. Петербург // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 577.

² Там же. С. 579.

³ Там же. С. 587.

⁴ Там же. С. 598.

⁵ Набоков В. В. Санкт-Петербург // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 623.

⁶ Набоков В. В. Петербург // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 579.

⁷ Pushkin Aleksandr. Eugene Onegin. A Novel in Verse. Translated by Vladimir Nabokov. New York: Bollingen Foundation, 1964. P. 41.

фрагментах. Одна из причин снижения частоты задействования образа Петербурга в набоковской прозе состоит в его реакции на перенасыщенность литературы русского зарубежья художественными воспоминаниями об этом городе.

В начале 1920-х гг. многие писатели-эмигранты разрабатывали петербургскую тему. Так, например, в 1922 г. издательство «Слово (Берлин)» опубликовало сборник З. Н. Гиппиус «Стихи. Дневник 1911–1921». Поэтесса рассматривала Петербург как символ русской нации и культуры, по которому в 1917 году был нанесён сокрушительный удар. В 1922 г. в Берлине был издан сборник В. Ф. Ходасевича «Тяжёлая лира», в котором Петербург изображён пребывающим в состоянии смуты и хаоса. В 1928 г. Г. В. Иванов напечатал роман «Петербургские зимы», в котором он описал полную трагизма жизнь в Петербурге и тех художников и писателей, которым пришлось жить в этом городе. Петербургская тема появлялась также в произведениях И. А. Бунина, Г. В. Адамовича, Н. Н. Берберовой, Игоря Северянина и др.

Петербург в стихотворениях З. Н. Гиппиус отчасти схож с Петербургом стихотворений Набокова. Так, например, в гиппиусовском «Петербурге» («В минуты вещей одиночеств...») (1919), как и в набоковском «Петербурге» (1921), почти один и тот же лексико-семантический набор: «одиночество», «стылый», «покорный», «рабий», «гниль», «мутный», «пропасть» – у Гиппиус; «томимый», «умер», «скорбен», «замученный», «бледный», «испуг», «пустой», «пустынный» – у Набокова. Там и там город выступает в качестве почти олицетворённого адресата для поэта: *Мой город строгий, город милый! Я ненавижу, – не тебя ль?*¹ – *О, город бледный, где же ныне / твои туманы...*² Для Гиппиус и Набокова Петербург – средоточие русской культуры,

которое погибло, но имеет возможность восстать. В обоих стихотворениях живёт память о пушкинском «Медном всаднике»: герой набоковского «Петербурга» бродит по городу со своей тенью, вспоминает о петербургском ледоходе (как бы «наводнении» пушкинской повести); в гиппиусовском «Петербурге» поэтесса ожидает спасения Петербурга и надеется на то, что «последний вал»³ морского потопа развеет inferнальную мглу над Медным всадником.

По мере того, как развивались русские зарубежные издательства, воспоминаний о Петербурге, художественных претворений его образа становилось всё больше. В этом прежде всего проявлялась ностальгия по утраченному со стороны разных поколений писателей-эмигрантов. «Покинувшие родину продолжали оставаться носителями её культуры, с которой они знакомили граждан страны своего нового местопребывания, таким образом значительно приобщив Запад к достижениям отечественной культуры» [6, с. 105]. Постепенно изображение Петербурга стало стереотипным. Например, реки и каналы Петербурга в прозе эмигрантов были либо тёмные, либо печальные и проч. Общим местом стали и переклички с поэмой «Медный всадник». В 1925 г. Набоков в письме к Глебу Струве жаловался на русских эмигрантов: «Берлинская литература хромает. ... Сергей Горный всё тот же нестерпимо-однообразный популяризатор частных воспоминаний»⁴. В романе «Подвиг» Набоков об этом явлении писал так: «У Бубнова бывали писатели, журналисты, прыщеватые молодые поэты, – всё это были люди, по мнению Бубнова, среднего таланта, и он праведно царил среди них, выслушивал, прикрыв ладонью глаза, очередное стихотворение о тоске по родине или о Петербурге (с непременно присутствием Медного Всадника) и затем

¹ Гиппиус З. Н. Петербург // Гиппиус З. Н. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. С. 336.

² Набоков В. В. Петербург // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 576.

³ Гиппиус З. Н. Петербург // Гиппиус З. Н. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. С. 336.

⁴ Набоков В. В. Письма В. В. Набокова к Г. П. Струве. 1925–1931 // Звезда. 2003. № 11. С. 121

говорил, тиская бритый подбородок: “Да, хорошо”; и повторял, уставившись бледно-кариими, немного собачьими глазами в одну точку: “Хорошо”, с менее убедительным оттенком; и, снова переменив направление взгляда, говорил: “Неплохо”; а затем: “Только, знаете, слишком у вас Петербург портативный”¹. В конце 1930-х гг. в романе «Дар» Набоков написал: «...он прочёл толково-бытовым говорком повесть из петербургской жизни накануне революции, с героиней, нюхавшей эфир, шикарными шпионами, шампанским, Распутиным и апокалиптически-апоплексическими закатами над Невой»². Наконец, спустя много лет Набоков заметил следующее: «Полагаю, отстранённый наблюдатель немало потешился бы, разглядывая этих почти бесплотных людей, имитировавших посреди чужих городов погибшую цивилизацию, – далёкие, почти легендарные, почти шумерские миражи Москвы и Петербурга, 1900–1916 (что уже тогда, в двадцатых и тридцатых годах, звучало подобно 1916–1900 до Р. Х.)»³. Иными словами, в конце 1920-х годов для Набокова петербургская тема была в высшей степени избитой.

Антипод Петербурга – Берлин

По мнению Е. М. Шастиной, «для Набокова Берлин – чужбина, антипод любимого “воздушного” и “призрачного” Петербурга, который сверкает в серебристом и золотистом цвете, ассоциируется с теплотой, величием, детским смехом и праздничностью» [9, с. 208], но после 1924 г. образ Петербурга исчезает из творчества Набокова, и его место занимает образ другого города – Берлина. С 1924 по 1925 гг. Набоков написал четыре рассказа: «Благодать» (1924), «Гроза» (1924),

«Письмо в Россию» (1925), «Путеводитель по Берлину» (1925), действие которых происходит в Берлине.

Берлин в рассказе «Благодать» – город счастья, чьё пространство есть «субъективная проекция реальности» [5, с. 23] главного героя. Образ города создаётся посредством соединения мотивов, противоположных с точки зрения характеристики материи: рукотворная реальность Берлина – «черепичные крыши», «толстокожие автобусы», «трамвайный вагон»⁴ – соседствует с образами осени, дующей сильными ветрами и проливающейся на город частыми дождями. В мире, исполненном благодати, радостное настроение проявляется, например, в «железном и нежном гудении ветра»⁵. Эпитеты этой фразы контрастны в своём контекстуальном значении, но приложены к одному объекту и даже созвучны, а потому составляют единство, которое создано сознанием героя. Берлин – это город, увиденный через оптику как минимум двух искажений. В конце «Благодати» герой смотрит на город через трамвайное стекло в «частых каплях дождя»⁶. Взгляд сквозь стекло, дождь и ветер, ставшие единством («волны ... прохлады обдавали грудь»⁷, «летал дождь»⁸) превращают для героя Берлин в город, соединяющий верх и низ, небо и землю: капли дождя на чёрном стекле напоминают ему «подёрнутое бисером звёзд ночное небо»⁹, – и одновременно ему кажется, что «влажные ветви хлещут по окнам»¹⁰ трамвая. Берлин – это как бы текущий город (очертания города меняются благодаря «неверным внутренним переливам стекла»¹¹): финальные «ток... ток...»¹² рассказа (из-за их отточий не имеющего конца) – это и звукоподра-

¹ Набоков В. В. Подвиг // Владимир Набоков: Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 201.

² Набоков В. В. Дар // Владимир Набоков: Собрание сочинений русского периода в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1990. С. 84.

³ Набоков В. В. Память, говори // Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 560.

⁴ Набоков В. В. Благодать // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 110, 111, 114.

⁵ Там же. С. 114.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 112.

⁸ Там же. С. 114.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

жательные слова (звук падения на крышу трамвая срываемых ветром каштанов), и существительные со значением перемещения электрических зарядов (трамвай, движущийся посредством электричества) и течения воды или воздуха. Трамвай подобен лодке, плывущей через вечерний город, как по реке Шпрее.

Старушка из «Благости» читает путеводитель по Берлину (другим читателем которого оказывается ветер). И план из этой книги выпадает «ступеньками»¹. Город, таким образом, оказывается чем-то вроде «лестницы в небо», приобретает метафизическое измерение. Путеводитель по Берлину – это и зачаток будущего одноимённого набоковского рассказа, композиция которого одновременно кольцевая и ступенчатая. Рассказ начинается со входа героя и его приятеля в пивную и там же завершается, но каждая из пяти частей при этом приближает читателя к авторской мысли о ценности собирания того, что будет когда-то вспоминаться. Причём повествователь собирает будущие воспоминания не для себя, а для мальчика, что живёт в пивной. Железные трубы, стареющие трамваи, львы на вывеске пивной и в зоологическом саду, люди, выполняющие работы, посетители пивной и её обстановка – всё это останется в детской памяти. Каждая из частей рассказа содержит образ стекла-зеркала. Труба оказывается подобной подзорной трубе, наставляемой в будущее или прошлое; окна трамвая, как «ласковые зеркала будущих времён»²; в фургоне в ящиках едут «ровные ряды пустых бутылок, собранных по кабакам»³; витрины дома земноводных, как окна подводной лодки; в пивной – зеркало, в котором рассказчик видит мальчика. Эти зеркала – границы между временами и при этом средства преодоления этих границ. Одна из них – граница между Берлином и Петербургом.

Рассказчику витрины дома земноводных напоминают о капитане Немо, глядящем на Атлантиду с лежащей на песке «пурпурной звездой о пяти концах»⁴. И он сам, как Немо, т. е. Никто (инкогнито и социально-культурный никто, как сразу все эмигранты), вглядывается в Петербург – Атлантиду, жертву «опытов глуповатых утопий»⁵. То же «мерцание» Петербурга сквозь реальность Берлина присутствует и в «Благости», климат которого в рассказе вместо континентального напоминает у Набокова петербургский морской.

По мнению А. С. Долинина, «Набоков идёт наперекор общему мнению, отказываясь видеть в послевоенной ситуации признаки эпохального сдвига, кризиса западной культуры, конца или заката Европы. В его докладе звучат язвительные намёки на эсхатологические прогнозы Шпенглера, которыми тогда увлекались русские эмигранты» [3, с. 9]. Шпенглер считал, что Европу, в том числе и Берлин, в ближайшее время ожидает упадок и гибель. А Берлин в набоковской прозе представляет собой живой и оживлённый город, в прозе других русских писателей-эмигрантов – часто наоборот. Для многих из них Берлин, и вообще Запад – это нечто, что однозначно уступает, если не противостоит русской культуре. Запад, согласно разделяемой ими мысли О. Шпенглера, начинает переживать свой закат. Например, В. Ф. Ходасевич в стихотворении «Под землёй» (1923) написал о жизни берлинского «униженного и оскорблённого»: *И вот, из полутьмы глубокой / Старик сутулый, но высокий, / В таком почтенном сюртуке, / В когда-то модном котелке, / Идёт по лестнице широкой, / Как тень Аида – в белый свет, / В берлинский день, в блестящий бред*⁶. Для героя стихотворения Берлин – это город, где лежит «чужой гранит», над которым «синяя пустыня» и в котором нет места

¹ Набоков В. В. Память, говори // Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. СПб.: Симпозиум. 2004. С. 112.

² Набоков В. В. Путеводитель по Берлину // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 178.

³ Там же. С. 179.

⁴ Там же. С. 180.

⁵ Там же.

⁶ Ходасевич В. Ф. Под землёй // Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922. М.: Согласие, 1996. С. 264.

старику, создающему «сладоострастные миры»¹. В этом же году В. Б. Шкловский опубликовал книгу «Зоо, или Письма не о любви», один из основных мотивов которой – одиночество автора, которому трудно жить в Берлине: «Никуда не едет русский Берлин. У него нет судьбы. Никакой тяги»². И. Г. Эренбург также жаловался на жизнь в Берлине. «Это – самый удобный город в Европе, и это в то же время – самый угрюмый, самый не удовлетворённый жизнью город ... где проспекты длиннее жизни, где много камня и нет архитектуры, где всё – уют и где жизнь так неуютна, так сиротлива...»³.

Все эти писатели не принимали Берлин или в крайнем случае были равнодушны к нему не из-за самого Берлина, а из-за России, которую вынуждены были оставить: «Я не могу жить в Берлине. Всем бытом, всеми навыками я связан с сегодняшней Россией. Умею работать только для неё. Неправильно, что я живу в Берлине. ... Революция переродила меня, без неё мне нечем дышать. Здесь можно только задыхаться. ... Женщины, к которой я писал, не было никогда. ... Я придумал женщину и любовь для книги о непонимании, о чужих людях, о чужой земле. Я хочу в Россию»⁴.

Набоков, напротив, стремился переродиться к западной жизни, проникнуться пространством и духом Берлина, вобрать этот город в своё сознание и сделать его частью своего художественного мира. Например, в рассказе «Письмо в Россию» (1925) писатель, начав вспоминать о Петербурге, сознательно и намерен-

но останавливает себя, чтобы говорить о Берлине. Зимний Петербург прекрасен в своём оледенении, зимний Берлин – в своей дождливой погоде. Как и в рассказах «Благодать» и «Путеводитель по Берлину», Набоков пользуется искажённой оптикой, «романтизирующей» реальность: «В сыром, смазанном чёрным салом берлинском асфальте текут отблески фонарей», сквозь окна трамвая видны «коричневые лавки», на «столбах мокрого блеска» «прокатывает автомобиль»⁵. Счастье героя, обнимающее ночной Берлин, остаётся для него в «микроме отражении фонаря»⁶. Он счастлив настолько, что даже смерть старушки, самоубийство, совершаемое ею на берлинском кладбище, не кажется ему страшным или отвратительным, оно только таинственно и пронзительно. Повествователь спокойно рассказывает и о сцене с проституткой, ведущей клиента в меблированные комнаты; и о простых танцах в кабаках, которые он иногда наблюдает. Тому и другому он отказывает в праве быть знаком падения современных нравов или пространством тёмной inferнальности. Это не Петербург Ф. М. Достоевского (хотя в тексте присутствуют «мерцающие намёки на “петербургский текст” русской культуры» [5, с. 25]), это именно Берлин Набокова, или, может быть, скрытый Петербург Набокова, потому что бинарная оппозиция этих городов у него не очевидна.

По мнению Б. В. Аверина, «не тоска по утраченному раю детства, а “сладость изгнания”, “блаженство духовного одиночества”, дар Мнемозины, обретаемый по изгнанию, – таковы коррективы, вносимые темой “тотального воспоминания” в восприятие многих набоковских сюжетов» [2, с. 163]. Набоковский герой любит Берлин, потому что настроен его любить, всё в нём. Например, там, где у Эренбурга Берлин – город холодного техницизма: «В центре Берлина метрополитен, вырываясь из-под земли ... Рельсы. Гудки локомоти-

¹ Ходасевич В. Ф. Под землёй // Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922. М.: Согласие, 1996. С. 264.

² Шкловский В. Б. Зоо, или Письма не о любви, или Третья Элоиза // Шкловский В. Б. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1973. С. 201.

³ Эренбург И. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1966. С. 307.

⁴ Шкловский В. Б. Зоо, или Письма не о любви, или Третья Элоиза // Шкловский В. Б. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1973. С. 225.

⁵ Набоков В. В. Письмо в Россию // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 160.

⁶ Там же. С. 162.

вов. Огни семафоров. Железная идиллия. А дальше? ... А дальше – поезда снова врываются в землю. Выходят на ежедневную учёбу взводы домов, мёрзнут кентавры, облетают деревья...»¹, – там у Набокова образы берлинской техники пронизаны лиризмом: «А знаешь ли, с каким великолепным грохотом промахивает через мост, над улицей, освещённый, хохочущий всеми окнами своими поезд? Вероятно, он дальше предместья не ходит, но мрак под чёрным сводом моста полон в это мгновение такой могучей чугунной музыки...»². Сиюминутность времени и конкретность пространства сменяются у Набокова пространственно-временным универсализмом. В его произведениях заявлено «авторское представление о целостности мира» [7, с. 217]. В финале «Письма в Россию», в последнем абзаце, после фразы «Так разрешилась берлинская ночь»³, которая как бы подвела черту под разговором о Берлине, писатель говорит о счастье, пережитом и в любом времени, и в городе вообще. Образ «каменных ступеней, спускающихся в чёрные воды канала»⁴, подходит и Берлину, и Петербургу. Выражение «Прокатят века...»⁵ переводит время рассказа на столетия вперёд. Счастье героя рассказа обусловлено не местом и временем, но причастностью божеству. Набоков оспаривает мысль Экклезиаста о том, что всё проходит. За дважды повторённой фразой «Всё пройдёт» следует также дважды повторённое выражение «счастье моё»⁶ (которое останется). Причём одно из словосочетаний «счастье моё», стоя в одном ряду с обращением «милый друг», само выглядит как обращение, то есть уверенность в счастье для героя обусловлена прежде всего его любовью.

Позже, с конца 1920-х гг. и в 1930-е гг., Берлин приобретает в прозе Набокова и иные черты – черты пошлости. Например, в рассказе «Набор» (1935) главный герой, несмотря на свой пожилой возраст, тяжёлое тело, болезненность и бедность, так же, как и герои рассказов 1920-х гг., «неприлично счастлив»⁷ (поскольку счастлив повествователь, «загримированный под читателя»⁸, передавший герою своё счастливое настроение), но сам город, имея те же приметы, что и раньше, всё-таки выглядит грубо и пошло: «Между кустами боярышника и выдержанной в стиле шалэ публичной уборной сквозила сизая улица; там стоял толстым шутком рекламный столб и проходил с бряцанием и воем трамвай»⁹. Берлин рассказа «Облако, озеро, башня» (1937) превращается в город националистской бюрократии и оклокрапии, сделавших из частной утопии земного поэтического рая антиутопию коллективистской «увеспоездки»¹⁰.

Заключение

Итак, в творчестве В. В. Набокова 1920-х гг., помимо прочего, присутствует городской «петербургский текст». Образ Петербурга в набоковских стихотворениях этого периода – образ города, живущего лишь в воспоминаниях автора, но умерщвлённого в реальности. Городское пространство захвачено inferнальными силами, пушкинская же петербургская культура, с его точки зрения, обрела благое, хоть и вынужденное посмертие. В эти же годы Набоков в противовес иным писателям-эмигрантам начинает активно осваивать пространство другого города – Берлина. Как и утраченный Петербург, обретённый Берлин для повествователя, – это город счастья. Берлин видится ему сквозь

¹ Эренбург И. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1966. С. 284.

² Набоков В. В. Письмо в Россию // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 161.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Набоков В. В. Набор // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 4. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 560.

⁸ Там же. С. 562.

⁹ Там же. С. 560.

¹⁰ Набоков В. В. Облако, озеро, башня // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 4. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 584.

систему намеренных оптических иллюзий, которые его «романтизируют». Берлин – это город не только с субъективно окрашенной реальностью, но и город метафизического претворения: стихии связывают в нём природное и рукотворное, небо и землю, его некрасивость и зло отменяются любовью. Берлин – это зеркальный город, который снимает для героя пространственные и временные границы. В этом городе можно увидеть и Петербург – не только в аллюзиях на русскую культуру, но и в очевидных предметных параллелях, и в сознательных климато-географических

подменах автора. Писатель принимает Берлин современным городом, отводя взгляд от консервативного Петербурга. Наконец, Набоков убирает бинарную оппозицию «Петербург – Берлин», уходя при этом от конкретных времени и пространства к универсальным. Счастье становится сознательным выбором писателя, которое он передаёт своим героям, а позже которым даже «заражает» некоторых из них. И это счастье обретается уже за пределами того или иного «городского текста».

Статья поступила в редакцию 18.05.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов С. С. Дитя во времени. Автобиографические сражения Владимира Набокова // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 337–363.
2. Аверин Б. В. Гений тотального воспоминания. О прозе Набокова // Звезда. 1999. № 4. С. 158–163.
3. Долинин А. С. Доклады Владимира Набокова в Берлинском литературном кружке // Звезда. 1999. № 4. С. 7–11.
4. Долинин А. С. Истинная жизнь писателя Сирина. СПб.: Академический проект, 2004. 400 с.
5. Леденев А. В. Северо-запад в «метагеографии» В. Набокова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2006. № 8. С. 23–29.
6. Попов М. Е. Культурная жизнь русской эмиграции в Берлине (1921–1923 гг.) // Научно-практический электронный журнал Аллея науки. 2018. № 6 (22). Т. 3. С. 104–106.
7. Степанова Н. С., Петрухина Н. М. «Личная обочина общей истории»: трансформация повествовательных моделей автобиографической прозы в творчестве В. В. Набокова // Иностранные языки в Узбекистане. 2020. № 1 (30). С. 208–218. DOI: 10.36078/1586142047
8. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство-СПб, 2003. 616 с.
9. Шастина Е. М. «Берлинский текст» В. В. Набокова и Э. Канетти // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (48). С. 206–209.
10. Шевченко В. Г. В. В. Набоков и Крым: жизненно-биографический контекст // Вестник научных конференций. 2018. № 7–2 (35). С. 106–110.
11. Tammi P. Russian Subtexts in Nabokov's Fiction: Four Essays. Tampere: Tampere University Press, 1999. 187 p.

REFERENCES

1. Avanesov S. S. [Child in Time. Autobiographical Battles of Vladimir Nabokov]. In: *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 2020, no. 2, pp. 337–363.
2. Averin B. V. [The Genius of Total Memory. About Nabokov's Prose]. In: *Zvezda* [Star], 1999, no. 4, pp. 158–163.
3. Dolinin A. S. [Reports of Vladimir Nabokov in the Berlin Literary Circle]. In: *Zvezda* [Star], 1999, no. 4, pp. 7–11.
4. Dolinin A. S. *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina* [The True Life of the Writer Sirin]. St. Petersburg, Akademicheskij projekt Publ., 2004. 400 p.
5. Ledenev A. V. [Northwest in Nabokov's "Meta-geography"]. In: *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Philology, Pedagogy, Psychology], 2006, no. 8, pp. 23–29.
6. Popov M. E. [Cultural Life of Russian Emigration in Berlin (1921–1923)]. In: *Nauchno-prakticheskij elektronnyj zhurnal Alleya nauki* [Scientific and Practical Electronic Journal Science Alley], 2018, no. 6 (22), vol. 3, pp. 104–106.

7. Stepanova N. S., Petruhina N. M. ["Personal Margin of Common History": Transformation of Narrative Models of Autobiographical Prose in the Works of V. V. Nabokov]. In: *Inostrannye yazyki v Uzbekistane* [Foreign Languages in Uzbekistan], 2020, no. 1 (30), pp. 208–218. DOI: 10.36078/1586142047
8. Toporov V. N. *Peterburgskij tekst russkoj literatury: izbrannye trudy* [Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2003. 616 p.
9. Shastina E. M. ["Berlin Text" of V. V. Nabokov and E. Canetti]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2015, no. 6 (48), pp. 206–209.
10. Shevchenko V. G. [V. V. Nabokov and Crimea: Life-Biographical Context]. In: *Vestnik nauchnykh konferencij* [Bulletin of Scientific Conferences], 2018, no. 7–2 (35), pp. 106–110.
11. Tammi P. Russian Subtexts in Nabokov's Fiction: Four Essays. Tampere, Tampere University Press, 1999. 187 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжу Цзывэй – аспирант университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне; аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: zhuziweilove@163.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhu Ziwei – Postgraduate Student, MSU-PPI University, Shenzhen; Postgraduate Student, Department of History of Contemporary Russian Literature and Contemporary Literary Process at Moscow State University named after M. V. Lomonosov;
e-mail: zhuziweilove@163.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чжу Цзывэй. «Городской текст» в произведениях В. В. Набокова 1920–х годов: Петербург vs Берлин // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 121–130.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-121-130

FOR CITATION

Zhu Ziwei. "Urban Text" in Nabokov's 1920s Works: St. Petersburg vs Berlin. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, pp. 121–130.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-121-130